

Владимир Успенский
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

**Государев двор во второй пол. XVI в. как социальная сеть:
предложение метода**

Анализ социальных сетей (Social Network Analysis) — сравнительное
новый для средневековых историков метод. В самом общем виде анализ

социальных сетей рассматривает социальную реальность с точки зрения «теории сетей», в которой сеть понимается как совокупность узлов (nodes) — участников исторического процесса — и связей (ties), которые представляют собой отношения между «узлами», такие как дружба, родство, служба, деловые отношения, сексуальные отношения и т.д. Такие сети могут быть визуализированы в виде диаграмм, где узлы представлены в виде точек, а связи — в виде линий.

Одним из первых громких заявлений в области анализа социальных сетей в средневековой истории стали работы экономического историка и политолога Джона Пэджетта о социальной и экономической организации Флоренции эпохи Ренессанса, написанные в 1990-х гг. Успех работ Пэджетта, сохраняющей статус классики в области сетевых исследований раннего Нового времени, можно объяснить не только новым подходом к социальной истории, но и совершенно нетипичным для последней исследовательским вопросом: за интересом к истории структур и отношений, понятным для социальной истории, у Пэджетта кроется провокационный вопрос: «каким образом Медичи пришли к власти во Флоренции?». Социальная история с данным случае предлагает каузальное объяснение.

Из всех проектов по средневековой истории, в которых применяется анализ социальных сетей, известных мне на настоящий момент, можно выделить три категории, в которых методика, как кажется, применяется наиболее плодотворно. Это исследования торговых связей и картографирование экономических взаимодействий, исследования интеллектуальных сетей или распространения идей (к которым примыкают исследования сетей корреспонденции), и, собственно, исследования, использующие сетевой анализ для понимания того, как работает средневековое общество.

Для этой последней категории одной из самых серьезных и недооцененных проблем остается разработка самого базового концепта теории — понятия связи. До самого последнего времени по сути единственным методологическим требованием к исследователю было соблюдение принципа гомогенности изучаемых связей: недопустимо в одной и той же сети использовать, например, дружескую связь и финансовые отношения. Сами связи понимались как некие постоянные отношения между субъектами социальной реальности. Проблема, с которой столкнулись историки, оказалась сложнее: не вполне ясна сама природа связи как структурного элемента. Источники заставляют историков задаваться такими вопросами, как, например, наличие связи между двумя крестьянами, упоминаемыми в одном и том же финансовом документе или дворянами, воевавшими в одном и том же полку, т.е. задуматься над природой связей ситуативных и, возможно, случайных. Что мы понимаем под связью в таких случаях и

насколько валидно такое понимание? В значительной степени именно распространение исторических исследований с применением методики анализа социальных сетей в 2000-х гг. привело к появлению «ситуативного» понимания связи: так, например, в работе об общине в Византийском Египте (единственном пока исследовании социальных сетей в средневековые монографического уровня) Джованни Руффини строит связи из совместных упоминаний крестьян в документах, исключая из их числа такие, где упоминание происходит всего однажды (т.е. если две персоны оказываются упомянуты совместно в двух документах и более, постулируется гипотетическая связь между ними).

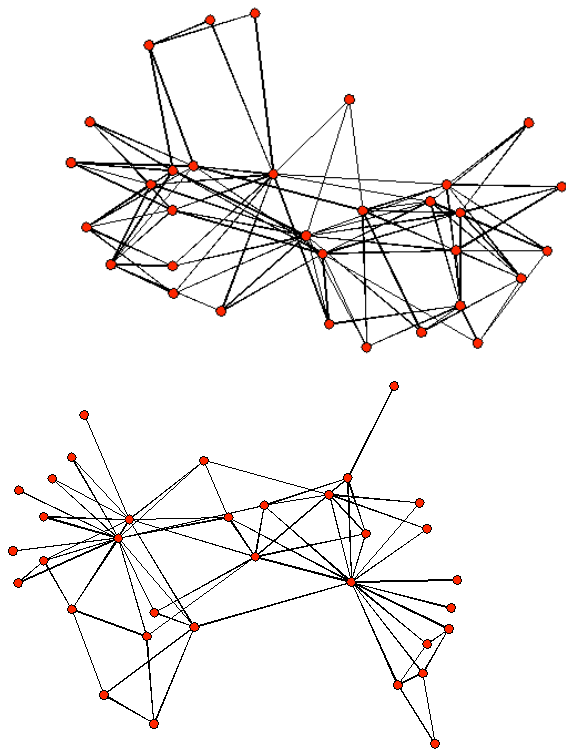
Что в теории социальных сетей может оказаться полезным для изучения отечественного средневековья и, в частности, служилой корпорации?

Вплоть до настоящего времени структуру служилой корпорации историки представляют в институциональном ключе, вслед за изменениями иерархий в официальных документах меняется и структура: от первых попыток стратификации (статей Тысячной книги, князей и детей боярских дворовых Дворовой тетради) до «классической» структуры московских и городских чинов. Как представляется, анализ социальных сетей может дополнить такое институциональное понимание иерархий.

В условиях очевидной нехватки источников личного происхождения существует, как кажется, всего два способа представить традиционные связи в социальной структуре служилой корпорации: это родственные связи (из которых, по понятным источниковым причинам, почти полностью исключаются отношения свойства) и, с некоторым допущением, соседские. Конечно, подобные сети, возможно, любопытные для визуализации служилой географии, мало что могут поведать о социальной структуре. Внутренние связи, патрон-клиентские отношения в XVI в. реконструируются только намеками или вообще угадываются интуитивно. То же касается придворных «партий» — возможно, одной из самых интересных тем политической истории России в XVI в (например, борьбы придворных группировок в малолетство Ивана IV и после смерти Ивана IV). Возможные выходы из этой ситуации — событийное или ситуационное понимание связи и соответствующих подход к формированию сети.

Мне представляется, что разрядная документация предоставляет возможности для анализа ситуативных связей внутри Государева двора. В качестве гипотезы при этом принимается допущение, что два и более совместных назначения одних и тех же лиц означают наличие связи (в ряде случаев это удастся проверить, наложив сеть родственных или соседских связей, но это удастся далеко не всегда).

Визуализируем ли мы при этом какие-то отношения внутри служилой корпорации или логику работы разрядных дьяков, дающих совместные назначения людям, уже служившим вместе? Для ответа на этот вопрос можно попытаться сравнить две синхронные сети: опричный, а позднее т.н. особый двор Ивана IV и земский двор.

Рис. 1. Основные связи земского (слева) и опричного (справа) дворов в 1566–1570 гг. Для упрощения схемы вместо персоналий на месте «узлов» фамилии с наибольшим количеством связей.

Отличия значительны: по ключевым количественным показателям, характеризующим социальные сети, опричный двор обладает более централизованной, но менее плотной и компактной структурой: количество связей между персонами в среднем значительно меньше (1,73 против 3,74), количество переходов «от периферии к центру» сети больше (в среднем 4,76 против 2,52). Такие наблюдения позволяют сделать осторожный вывод о качественных структурных отличиях, не объясняющихся «делопроизводственными» процедурами.

Наивно было бы полагать, что все повторяющиеся совместные назначения сигнализируют о патрон-клиентских отношениях. Вопрос о природе обнаруженных связей чрезвычайно запутан и требует специального изучения.

The Royal Court in the 16th century as a Social Network: the possibilities of methodological approach.

Social Network Analysis is a relatively new method for medieval historians. According to the most common definition, Social Network Analysis examines the social reality in terms of "network theory", in which the network is understood as a set of nodes — members of the historical process — and ties, which represent the relationships between the nodes such as friendship, kinship, service, business relations etc. Such networks can be visualized in the form of diagrams, where the nodes are represented as points and ties are represented as lines.

One of the first high-profile applications of social network analysis in the field of medieval history were the works of the economic historian and political scientist John Padgett on social and economic organization of Renaissance Florence, published in the 1990s. The success of the Padgett's work, which keeps the status of classics in the field of network studies of Medieval and Early Modern times, can be explained not only by his use of a relatively new approach to social history, but by quite atypical for the social history research question: "How did the Medici come to power in Florence?". Social history in this case suggests a causal explanation.

Of all the projects on medieval history, which use the Social Network Analysis, known to me at the moment, there are three categories in which the technique seems to be applied in the most fruitful way. These are the studies of trade relations and economic interactions mapping, quantitative researches in intellectual history or mapping of ideas diffusion (which are flanked by the study of networks of correspondence), and researches using network analysis to understand how the medieval society was composed and structured (which use social network analysis in the most basic sense).

For this last category one of the most serious and underrated problem is the development of the basic concept of the theory — the concept of communication. Until very recently, in fact the only methodological requirement of the researcher was the principle of homogeneity of the studied relationships: for example, for obvious reasons friendly relations and financial relations are not valid in the same network. Bonds themselves are understood as a kind of permanent relationship between the subjects of social reality. The problem faced by historians was more complex: the very nature of tie as a structural element it is not al-

ways clear. Sources force historians to ask such questions as, for example, if there was a link between two peasants mentioned in the same financial instrument or nobles, who fought in the same regiment. Therefore historians are forced to reflect on the nature of links, which are situational (probably even random). What do we mean by communication in such cases and how valid is this understanding? To a large extent, it is the spread of historical research using the method of SNA in the 2000s. that has led to the emergence of "situational" understanding of the relationship: for example, in the work on the Aphrodito community in Byzantine Egypt (this far the only study of social networks in the Middle Ages at monographic level) Giovanni Ruffini builds ties of joint mentions of farmers in the documents, except when reference occurs only once (if two persons are mentioned together in the two or more documents, is postulated hypothetical relationship between them).

How the theory of social networks may be useful for the study of Russian Middle Ages and, in particular, the service-men class?

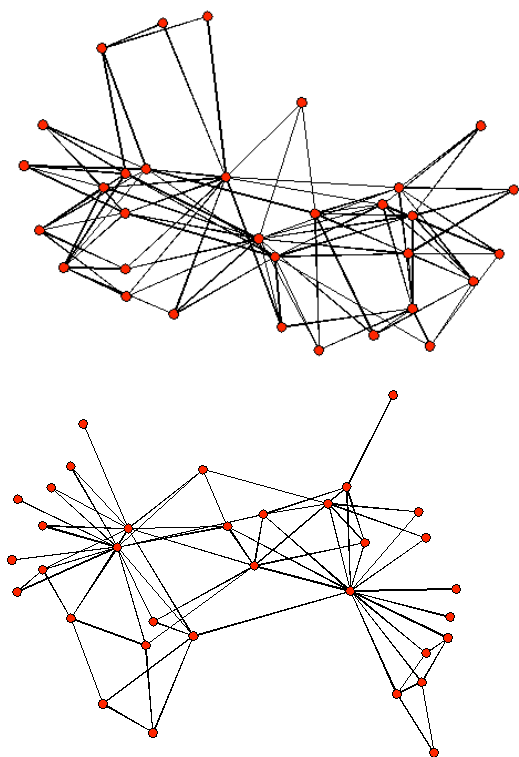
Until now, the structure of the service-men class was understood by historians largely in an institutional manner, following the hierarchy changes in official, from the first attempts of stratification to the "classical" structure of 'chiny moskovskiy i gorodovye'. It seems that Social Network Analysis can complement such institutional understanding of hierarchies.

With the apparent lack of sources of personal origin, it seems there are only two ways to present traditional ties in the social structure of the serving corporations: the ties of kinship (of which, for obvious reasons, are almost completely eliminated the relations of marriage) and, with some assumptions, the neighbor networks. Of course, such networks might be interesting to visualize the geography of the serving elite, but there is hardly something they can tell us about the social structure. Internal communications, patron-client relations in the 16th century are reconstructed only with some hints or even guessed intuitively. The same applies to the Court "parties" — perhaps one of the most interesting topics of the political history of Russia in the 16th century (for example, the Court groups in the infancy of Ivan IV, and after the death of Ivan IV). Possible ways out of this situation — the event-driven or situational understanding and communication and a relevant approach to the network research.

It seems to me that the service documentation ('razryad') — provides the ability to analyze situational ties within the Czar's court. As a hypothesis it is assumed that two or more joint service appointments mean an association of persons (in some cases it is possible to check it by looking up in a network of family or neighborhood ties, but it is not always possible).

Do we visualize some kind of actual relationships within the serving corporations, or just the logic of the clerks or the *razryad*, giving joint appointments to

the people who have already served together? To answer this question, we can try to compare the two synchronous networks: *Oprichnina* , later called the “Special” Court of Ivan IV and *Zemshina*.

Fig. 1. The main links of zemsky (left) and oprichniy (right) courts in the years 1566–1570 . To simplify the scheme, instead of personalities the families with the most links are placed as nodes.

The differences are significant : the key quantitative indicators characterizing social networks, oprichnina yard has a more centralized, but less dense and compact structure: the number of links between persons on average, significantly lower (1.73 vs. 3.74), the number of transitions from the periphery to the center in the *oprichniy* Court network is significant larger (average 4.76 to 2.52). These observations lead to the cautious conclusion that the quality of the structural differences can not be explained by the "bureaucratic" procedures.

It would be naive to believe that all of the repetitive joint appointments give signal about the patron-client relationships. The question of the nature of these relationships is extremely confusing and requires a special study.